Линь Сяоча, лёжа на кровати, потёрла глаза и безучастно спросила Хань Юя: «Это твоя комната? Почему я здесь?»

Она не казалась испуганной, когда проснулась в комнате мужчины.

Не то чтобы она была дикой, но, похоже, она не понимала, что может произойти.

Похоже, если её продадут, она всё равно заплатит за всё содеянное.

Это как тогда, когда она обвинила его в том, что он был немного холоден к ней на том кладбище.

Хань Юй спокойно сел. Затем он подошёл к столу и налил чашку чая.

Видя, что он не отвечает, Линь Сяоча осторожно спросила: «Я слишком много выпила прошлой ночью?»

Хань Юй посмотрел на ночной чай в чашке и ответил на её вопрос молчанием.

Линь Сяоча больше ничего не говорила. Атмосфера была немного неловкой.

Наконец он поставил чашку и тихо спросил: «У тебя есть брат?»

Линь Сяоча выглядела удивлённой, а затем, казалось, поняла. Она вцепилась в свою юбку на коленях и нервно спросила: «Я обращалась с тобой прошлой ночью как с братом?»

Лицо Хань Юя было таким же безразличным, как всегда.

Даже если бы они были братом и сестрой, было бы неуместно обниматься и быть близкими, как прошлой ночью. В конце концов, она выглядела на пятнадцать или шестнадцать лет.

Линь Сяоча крепко держала своё платье: «Мой брат умер, когда мне было пять лет...»

Хань Юй на мгновение опешил.

Линь Сяоча, казалось, вернулась к приятным воспоминаниям. Её глаза были милыми и нежными. «Мой брат всегда защищал меня и относился ко мне лучше всего, когда я была маленькой... Отец всегда говорил, что я следую за ним, как хвост.»

Всё это правда. Но это был не её опыт, а опыт Линь Ву.

Зелёный чай, который не мог быть подделкой, но и не является истинным по вкусу зелёным чаем.

Когда она это сказала, уголки её глаз увлажнились. Она тихонько вытерла руку и очень тихо всхлипнула.

Но она быстро перестала плакать: «Ты вернул меня?» Она посмотрела на Хань Юй красными глазами и сменила тему.

Хань Юй потягивал чай из чашки, и его ресницы оставляли тень на лице. Он не сказал ни слова, но это было согласие.

«Почему?»

«У Фэн Цзыина есть кое-какие мысли насчёт тебя», - наконец сказал он.

«Есть какие-нибудь мысли? Я беженка. Какие у него могут быть мысли обо мне?», - пробормотала Линь Сяоча.

Хань Юй:...

Через некоторое время он сказал: «Он хочет, чтобы ты стала наложницей.»

Лицо Линь Сяочи внезапно побледнело, и она в страхе отпрянула назад,

«Так ты спас меня вчера?»

Хань Юй поставил чашку и продолжил: «Независимо от того, хочешь ли ты быть с ним, ты должна выбрать, будешь ли ты трезвой или постоянно пьяной.» После того, как он закончил говорить, Линь Сяоча некоторое время молчала,

Глаза Хань Юя немного стали добрее. Похоже, он был любопытен.

Спустя долгое время Линь Сяоча прошептала: «С каких пор я могу выбирать?»

Её тон был беспомощным.

Хань Юй перевёл взгляд на неё. Слезы в её глазах бегали взад и вперёд готовые в один момент упасть. Она рассеянно смотрела перед собой, но в глазах не было сосредоточенности.

Она была похожа на кусок плавучего дерева в океане, который не может управлять своими движениями.

«Здесь, когда Городской Лорд сказал, что я буду жить, значит, я буду жить. Если Городской Лорд сказал я умру, значит я умру. Ты спасла меня прошлой ночью, но что я могу сделать, если тебя здесь нет?»

Хань Юй поставил чашку на стол, думая, что вчера вечером она считала его своим братом. Похоже, она искала кого-то, на кого можно было бы положиться.

«Я вывезу тебя из города Донлина.»

Линь Сяоча была в восторге, но не показывала этого. Она просто ждала этих слов.

Она выглядела очень нерешительной, и её маленькие руки крепко сжимали юбку.

Наконец, она, казалось, приняла решение, вытерла слёзы с глаз и осторожно сказала: «Спасибо, Сяньцзюнь, мне не хотелось беспокоить тебя.»

Наконец, она была готова снова называть его "Сяньцзюнь" вместо того, чтобы прямо называть "ты".

Хань Юй взглянул на неё и сказал: «Иди умойся и переоденься.»

Он был чист, и его пять чувств были чувствительны как никогда ранее. Даже во время короткой прогулки с ней прошлой ночью ему не нравился запах вина от неё.

Линь Сяоча ушла не сразу. Вместо этого она бережно сложила одеяло.

«Сяньцзюнь, сначала мне нужно кое-что сделать. Возможно, я вернусь позже. Ты можешь подождать меня?»

Он кивнул в знак согласия. Что касается того, куда она пошла или что случилось, ему было всё равно.

Пока он не услышал, что она отправилась к генералу Цзо с жетоном.

Неожиданно, после короткого путешествия, генерал дал ей свой идентификационный жетон, чтобы она могла пройти через город. Она попросила его подождать её, но на самом деле пошла на встречу с другим мужчиной.

Он со стуком поставил чашку, затем повернулся и вернулся к шезлонгу, чтобы снова лечь.

Вскоре он услышал, как её голос вернулся вместе с генералом. Генерал Цзо не сказал ни слова. Даже его дыхание звучало глухо. Линь Сяоча тоже вела себя очень тихо.

Наконец, генерал Цзо не удержался и сказал: «Девочка Сяоча, ты должна идти?»

«В чём дело, генерал?»

Двое людей, шедших бок о бок, на некоторое время погрузились в молчание. Генерал Цзо наконец заговорил: «Я...»

Линь Сяоча издала "гм?", чтобы показать, что она внимательно слушает. Генерал Цзо покраснел, и его впервые в жизни затошнило.

«На самом деле, снаружи ненамного лучше, чем в Донлине. Я слышал, что этим летом будет очень жарко.» Он сжал рукоять своего меча рукой и, наконец, выдавил несколько слов.

«Действительно?» Сяоча посмотрела на серое небо: «Но я больше боюсь зимы.»

Это правда. Её семья неохотно использовала обогреватель, чтобы сэкономить тепло. Когда была зима, она слишком замерзала и боялась принимать ванну. Когда она была ребёнком, она получала обморожения каждый раз, когда ей приходилось принимать ванну.

Видя, что генерал Цзо молчит, она улыбнулась и сказала: «В Донлине есть такие люди, как генерал, и город определённо будет становиться всё лучше и лучше.»

Генерал Цзо покраснел и почесал затылок: «Люди в городе очень любят вас.»

«Действительно?»

«Когда патрульные стражники ушли, он остановился, и Линь Сяоча тоже остановилась.»

«Генерал, в чём дело?»

Его лицо покраснело, а ладонь, в которой он держал меч, вспотела. «На самом деле ты мне очень нравишься...»

В это время Хань Юй, сидевший в шезлонге, медленно открыл глаза.

«Правда?», - Линь Сяоча улыбнулась, и её глаза были прищурены, - «мне тоже очень нравятся генералы!»

Хань Юй нахмурил брови. Его ресницы слегка дрогнули, но он всё ещё держал глаза закрытыми. Вскоре его брови вытянулись.

Какое это имеет отношение ко мне?

Ему нравилось быть одному. Если бы она осталась в Донлине из-за этого, ему было бы спокойнее.

Мозг генерала Цзо взрывался от обилия мыслей: «Правда, правда?»

Линь Сяоча серьёзно кивнула: «У меня был старший брат, который был похож на генерала. В детстве он мне нравился больше всего.»

Генерал Цзо: «А.....»

Чтобы смягчить смущение, он почесал затылок и тихо сказал: «Так вот как это было.»

«Могу я увидеть твоего брата?» Линь Сяоча выжидающе посмотрела на него.

«Это», - и вздохнул, вытирая пот с ладоней об одежду.

«... Конечно, ты можешь.» После того, как он согласился, он опустил голову

Хань Юй, опустивший глаза: ...

Похоже, он слишком много думал. Она ничего не понимала в мужчинах и женщинах.

Но поскольку она не видела в нём никакого смысла, зачем она позвала генерала Цзо к себе в комнату?

Она не впустила генерала Цзо в свою комнату, а завернула все награды в кусок ткани.

«Брат генерал, пожалуйста, помогите мне рассортировать эти вещи и зимнюю одежду, а затем раздать их беженцам. Только если я отдам их вам, я смогу быть уверена.»

Генерал Цзо удивлённо посмотрел на неё. Он знал, что всё это - огромное искушение для любого беженца, страдающего от нищеты.

На самом деле Линь Сяоча не является исключением. Она очень любит деньги и не может дождаться, чтобы забрать всё.

Но её истинной личностью здесь была не девушка-беженка, а Линь Ву, дочь городского лорда города Бансия. Как только она вернется в Бансия, эти вещи для неё останутся не в счёт. Она может иметь столько, сколько захочет.

Более того, сам Фэн Цзыин имеет для неё такое значение. Если она всё ещё сохранит вещи, которые он прислал, это понизит её имидж в глазах главного героя мужского пола.

Лучше отнести эти вещи беженцам, взяв волну очков благосклонности, и закрепить её простой и добрый образ такими поступками.

Линь Сяоча добавила: «Это вещи от Городского Лорда, но мы не можем притворяться Городским Лордом, чтобы жертвовать всё это от его имени, поэтому, пожалуйста, не забудьте дать понять, что это награды от Городского Лорда. Я просто одолжил цветы, чтобы предложить

их Будде. Таким образом, городской Лорд не будет смущён.»"

У генерала Цзо прямолинейный характер, поэтому, когда кто-то спросит, кто пожертвовал эти награды, он, естественно, не возьмет на себя ответственность и честно ответит, что это была Линь Сяоча. Генерал Цзо посмотрел на неё: «Сяоча, ты очень добросердечная.» Взгляд Хань Юя постепенно смягчился, и он снова закрыл глаза. Вскоре Линь Сяоча вошла с радостью.

Увидев, что Хань Юй отдыхает с закрытыми глазами, она осторожно закрыла дверь.

Она сидела на табурете и ждала его, не говоря ни слова.

Хань Юй медленно открыл глаза.

«Сяньцзюнь, я тебя разбудила?»

Он сел, не отвечая, посмотрев на девушку, сидевшую перед ним с сияющим лицом. Её нежные брови и глаза не могли скрыть радости. «Сяньцзюнь, разве ты не должен спросить меня, почему я так счастлива?»

Маленькая девочка, наконец, не смогла сдержать своих слов.

«Это ты мне скажи», - слабый тон Хань Юя был мягким.

Линь Сяоча действительно не была хорошим человеком, и она никогда не делала хороших вещей, не оставив своего имени напоследок. Она не была героиней, над которой издевались в литературных произведениях. Если она делала хорошие вещи, вся заслуга принадлежала второстепенной героине.

Делать что-то хорошее, не будучи ей известным, было то же самое, что не делать этого.

Линь Сяоча села: «Я попросил генерала Цзо обменять вещи у городского Лорда, чтобы купить зимнюю одежду и раздать её беженцам.»

Она сидела перед ним, её ясные глаза ярко сияли.

«Тогда?»

«Сяньцзюнь, разве ты не должен хвалить меня?»

http://tl.rulate.ru/book/57527/1482684